

Зураб Соткилава с детства любил футбол, юношей играл правым защитником в тбилисском «Динамо». Успехи предвещали яркую спортивную карьеру. Но вскоре, после травмы во время товарищеского матча в Чехословакии, пришлось расстаться с футболом.

Все-таки неожиданно порой складывается судьба. Соткилава всегда мечтал петь, природа наделила его превосходным голосом. Но после школы поступил в Политехнический институт, выбрав профессию горного инженера. 10 июня 1960 года он защитил диплом, а уже через два дня пел на вступительном экзамене в Тбилисской консерватории.

Ну, а дальше — радость достигнутых побед; работа в Тбилисском театре оперы и балета, стажировка в миланском «Ла Скала», и, наконец, с 1973 года — Большой театр...

— Зураб Лаврентьевич, давайте вернемся к истокам. Как началось серьезное увлечение оперным искусством?

— После войны у нас было немного увлечений. О роскошной технике, аппаратуре, которой избалована сегодняшняя молодежь, тогда еще и не мечтали. Мы старались быть вместе, всегда держались друг за друга, и нас спланивал спорт.

Я родился в Сухуми, на Полянке (сейчас там вырос огромный парк). Соседи жили очень открыто, без заборов, как большая дружная семья. По вечерам мы собирались под платановым деревом — пели, танцевали, играли на разных инструментах. В основном исполнялись народные и городские песни. С домашним музицированием у меня связано самое приятное воспоминание детства.

В детские годы я не получил музыкального образования, хотя музыку любил всегда. С профессиональной серьезной музыкой столкнулся очень поздно. Мне было почти двадцать лет, когда я впервые попал в Тбилисский оперный театр. Шел «Фауст». Не могу сказать, что мне очень понравился спектакль, но колоссальное впечатление произвел редкий по красоте голос замечательного баса из Большого театра Александра Огнивцева.

В то время, когда я был юношей, на экранах показывалось огромное количество «трофейных» фильмов об оперных певцах — Карузо и Джильи, Марио Ланца и Марио дель Монако... Именно эти фильмы воспитали во мне огромную любовь к серьезной музыке и заставили сделать шаг в сторону оперы. Я пришел в оперный театр и заболел им на всю жизнь.

— Если обратиться к сегодняшнему дню, то нужно признать, что немалая часть молодежи не слушает серьезную музыку, у нее нет интереса к классическому наследию. Этот факт, бесспорно, вызывает тревогу...

— Мне кажется, среди большинства молодежи существует некое предубеждение против оперного искусства. Например, на прекрасном фильме Дзеффирелли «Травиата» я увидел, как часть зрителей сразу покинула зал, узнав, что на экране — опера.

После войны оперные залы всюду были переполнены. Сегодня они пустуют, плохо посещаются концерты симфонических оркестров. Правда, в Большом театре по-прежнему аншлаги на каждом спектакле. Но я уверен, многие стремятся попасть в Большой только для того, чтобы увидеть чудесный архитектурный памятник. У меня болит душа, когда чувствую, что в зале сидит совершенно случайный зритель.

Я ничего не имею против легкой музыки, которую так любит современная молодежь. Но, наверное, чрезмерное заполнение эфира произведениями не всегда

высокого качества рождает опасную привычку видеть в музыке только чистое развлечение.

— Более того, надоедливое звучание часто бездарной эстрадной музыки притупляет наш слух, и мы невольно забываем об огромном пласте музыкальной культуры...

— Совершенно верно, пройдя мимо серьезной музыки, молодежь обкрадывает себя, потому что она проходит мимо колоссального духовного богатства.

Мне иногда говорят: вы, оперный певец, поете про каких-то графов и трубадуров, далеких от реальной жизни; ваше искусство — музейное искусство. Выходит, так можно сказать и про любую симфонию? Недавно на гастролях в Москве амери-

ру — без мелодии, с руганью в тексте, или когда читаю о подпольных переписчиках «блатных» песен, которые платят за эту дешевку огромные деньги.

Когда у нас дома собираются гости, я обязательно заставляю молодых спеть, и сам пою без аккомпанемента (человеческий голос гораздо теплее и выразительнее, чем любой инструмент). Забывать народные песни — драгоценное, исконное, что у нас есть, — это преступление!

Глинка говорил, что композиторы — аранжировщики народного творчества. Действительно, связь оперной и народной музыки очень глубокая: оперное искусство исходит из истоков народной песни, народной мудрости.

— Таким образом, любовь к народной

филологическом факультете университета), педагоги пригласили меня выступить с концертом. Наши ребята, — убивалась дочь, — не любят оперу, она им не нужна. Я рискнул и пригласил моих студентов из консерватории. Зал был заполнен, хотя все знали, что придут оперные, а не эстрадные певцы. Школьники слушали нас очень внимательно и даже просили спеть на «бис».

Если с детства научить слушать серьезную музыку, то потом молодежь сама будет тянуться к такой музыке.

— Зураб Лаврентьевич, наверное, нельзя считать, что все проблемы серьезной музыки заключаются только в зрительской заинтересованности. Например, одним из наиболее острых вопросов остается по-

ческой завязки — даже великолепная оперная музыка обречена на неудачу.

— Кроме того, слушая современную оперу, часто обращаешь внимание на нелепость, смехотворность текста. А ведь за этим — упускаешь музыку, она уходит на второй план.

— Вот именно. Может быть, отсутствие талантливых либреттистов и отпугивает наших ведущих композиторов от оперной творчества. Родион Щедрин после «Мертвых душ» не написал ни одной оперы, а мне кажется, что его музыкальный язык близок нашему театру. К сожалению, не пишет опер тонкий художник и философ в музыке Георгий Васильевич Свиридов.

Но театр — живое, развивающееся искусство. Современные авторы и современная тематика обязательно должны быть представлены на сцене. Появилось очень много конъюнктурных произведений, посвященных теме труда и подвига. А о каких воспитательных задачах может идти речь, если молодой зритель увидит на сцене откровенную подделку?.. Мне кажется, прекрасной драматургической основой для серьезной оперы могли бы стать, к примеру, произведения Чингиза Айтматова.

— Проблема оперного театра — это еще и проблема актерской молодежи...

— Конечно, нас особенно волнует вопрос, кто же придет на оперную сцену сегодня. Десять лет я преподаю в консерватории и могу сказать, что мне необыкновенно повезло на учеников. Работа, которая была с ними проделана, получила быстрое выражение в победах на международных конкурсах. Гран при награждены Исмаил Джалилов в Рио-де-Жанейро, Володя Богачев в Брюсселе, Саша Федин в Тулузе и Женеве.

Для меня важно, чтобы ученики достигли не только технического совершенства. Они должны понимать, что через голос раскрывается душа персонажа. Поэтому, если молодой певец духовно беден — он будет на сцене неискренним и фальшивым. Сегодня это неприемлемо. Кроме того, оперный певец обязательно должен обладать драматическим талантом; лишь тогда он сможет стать хорошим актером-певцом.

— Двое ваших учеников уже поют в Большом театре...

— Да. Зачислен в труппу Федин, успешно проходит стажировку Богачев. В театре сейчас много талантливой молодежи. Я очень рад, что у нас доброжелательно встречают молодежь и доверяют дебютантам самые ответственные роли.

Для молодых, еще неопытных певцов труднейший экзамен — выступать на сцене рядом с вокалистами мирового класса — Архиповой, Образцовой, Нестеренко, Атлантовым, Мазурком, Касрашвили. Сразу же будут заметны любые погрешности. Кто из них с честью выдерживает этот экзамен, тот достоин права называть себя солистом Большого театра.

...Наша беседа заканчивалась (домой к Соткилаве пришел новый гость — его студент), когда Зураб Лаврентьевич вдруг сказал:

— Мы сейчас много говорили с вами о том, как важно увлечь молодежь классикой. В вашей газете есть «Звуковая дорожка», где помещаются материалы об эстраде. Хорошо, что у вас появился еще и «Скрипичный ключ», специальная страничка, посвященная оперной, симфонической, инструментальной и фольклорной музыке. Думаю, это привлечет молодого читателя. О серьезной музыке пора говорить серьезно.

Беседу вел
Вадим ВЕРНИК.

Моя любовь —
1985-22 июня.
Воскресные ВСТРЕЧИ МК

МОЯ ЛЮБОВЬ — О П Е Р А

У нас в гостях — солист Большого театра, народный артист СССР
Зураб СОТКИЛАВА

канский пианист Горовец играл Рахманинова, и я вдруг почувствовал: мурашки пробежали по коже. После смерти матери у меня никто не видел слез, а на том концерте текли слезы, и мне не было стыдно.

Каждый раз, когда выступаю на оперной или концертной площадке или слушаю классическую музыку как зритель, я испытываю какое-то потрясающее счастье: состояние, не сравнимое ни с чем, что я знаю в жизни. В этот момент душа раскрывается, и я готов сделать все самое лучшее для других. И потом, в повседневной жизни, мне кажется, что я уже не могу быть вредным и злым, несправедливым.

Разве можно назвать музейным искусством, которое оказывает такое эмоциональное и нравственное воздействие, помогает стать более щедрым душой, лучше понять чужую боль и принять эту боль на себя, искусство, раскрепощающее духовно?..

Многие эстрадные песни забываешь сразу или на следующий день. А классическая музыка неисчерпаема. Слушая Горовца, я открыл для себя заново Рахманинова, открыл новые пласты его замечательной музыки.

— Зураб Лаврентьевич, наверное, можно сказать о неисчерпаемости и народной музыки, народной песни, которая передается из поколения в поколение? Ведь в ней заложено все лучшее, что народ приобрел годами, столетиями...

— Верное наблюдение. Народные песни многообразны по содержанию — в них есть и лирическая напевность, и шутка, и скорбь, — и они всегда очень душевные и глубоки по смыслу.

К сожалению, я все больше замечаю, что молодежь, увлекаясь дискотеками, записями эстрадных певцов и ансамблей, перестала петь эти песни. Меня просто убивает, когда слышу, как во дворе ребята весело расппевают частушки под гита-

песне может пробудить интерес к более сложному музыкальному творчеству.

Вообще серьезная музыка требует духовных усилий слушателя и определенных навыков. А сегодня почти отсутствует пропаганда оперной и симфонической музыки среди широких кругов молодежи. Как возможно увлечь молодежь и сориентировать ее на вдумчивое отношение к такой музыке?

— Вы правы, подготовка нужна, хотя и не обязательно в музыкальной школе. Опера никогда не станет массовым искусством, потому что она рассчитана на глубоко индивидуальное понимание, на включение эмоций каждого слушателя.

Я часто выступаю за рубежом. Недавно меня избрали почетным академиком Болонской Академии искусств; одно из первых заседаний, на котором я присутствовал, как раз было посвящено проблеме привлечения молодежи в оперный театр. Решение, которое вынесла Академия, произвело на меня сильное впечатление: все оперные театры Италии обязаны давать спектакли специально для молодежи — с лучшим составом исполнителей.

Мне довелось спеть для детей «Отелло» Верди в Болонье. Как они слушали оперу! После спектакля их лица были измучены от сопереживания.

В Большом театре в День школьника ведущие певцы почти не выступают, это у нас не принято. Дети — самые восприимчивые и чуткие зрители, и мне очень хочется, чтобы они знакомились с оперой только в самом лучшем исполнении. Ведь важно, чтобы у ребенка зародилось желание еще и еще раз прийти в оперный театр. Совсем не обязательно ему предлагать «Евгения Онегина», хорошо знакомого по школе. Можно дать что-то совсем другое, неожиданное, и в этой неожиданности уже будет зерно заинтересованности.

Два года назад, когда моя старшая дочь заканчивала школу (сейчас она учится на

ложение в современном оперном искусстве...

— Конечно, проблема оперного искусства — это не односторонняя проблема, не только проблема зрителей. Далеко не все сегодня благополучно у нас самих, и не стоит на это закрывать глаза.

Чем больше я живу, тем более хочу, чтобы все, что я слышу в музыке, меня задевало за живое. Можно заразиться музыкальной идеей, лишь когда сам чувствуешь глубину музыкальной мысли и находишь в ней созвучие своему внутреннему миру и настроению.

Американцы недавно выпустили пластинку «Пять минут тишины», и композитор указан. Пластинка крутится, но нет ни одного звука. И пластинка раскупается. Страшно, когда музыка вырождается в полную «тишину». Профанацией я считаю и модную ныне музыку, которая в сущности ничего не несет, кроме математически упорядоченной композиции, когда техника полностью вытесняет эмоцию...

Может ли опера отражать современность? Вспомним, что оперное искусство зарождалось как романтическое. Веристы XIX века — Масканы, Леонкавалло, Пуччини — дали новое направление в опере, показали современников с их раздумьями и переживаниями.

Думаю, о каждом времени может быть написана опера — нужен композитор, умеющий тонко уловить его нюансы и выразить их в музыке.

Многие молодые композиторы лишены элементарной музыкальной грамотности. Я считаю, что композитор должен если не учиться вокалу, то хотя бы посещать вокальные уроки, чтобы понимать специфику певческого голоса.

Очень тревожит и нас, певцов, и композиторов проблема оперной драматургии. Оперное либретто обязаны писать профессиональные люди, а этому искусству почему-то нигде не обучают. Когда нет интересного либретто, сильной драматургии